

Сов. Россия. - 1994. - 22 февр. - с. 1.

Слово о Шолохове

РУССКИЙ ГЕНИЙ

Анатолий КАЛИНИН

Такая же, как и теперь, лютовала стужа. Совсем как в «Поднятой целине»: «жгут, корежат землю февральские холода».

Но в тот день, когда Кондрат Майданников приехал в Москву из Гремячего Лога, попал на Красную площадь, над нею еще полыхал, согрел его сердце, красный флаг. Такой же, какой полыхнет потом, через 15 лет, над фашистским рейхстагом. И после этого застучат, загремят древками на той же Красной площади черные и коричневые гитлеровские штандарты, повергаемые к подножию ленинского Мавзолея в день Парада Победы героями беспримерных сражений под Москвой, на Волге, Неве, на Курской дуге и на Шпрее.

Из всех слов, услышанных в станице Вешенской десять лет назад, когда через февральские морозы и метели со всех концов страны и из других стран съехались, слетелись, сошлись на прощание с Шолоховым читатели, друзья, земляки, запомнились больше всего те, которые принадлежали старухе в черном платке у калитки его дома, когда он еще лежал там, на столе, в зале, светлый и красивый: «Мы от него видели только хорошее». И другие произнесенные негромко и кем-то рядом по пути на последнюю скорбную вахту в станичном Доме культуры: «Россия осталась без имени». И не только

запомнились, а как бы выплывились, выступили из всего, что сказано было тогда о нем, осветив то самое главное, за что с первых же строк прочитанных людьми у Шолохова, они навсегда привлекли его к своим сердцам и после уже не отпускали его, не отдали никому, ни сразу же возлюбленного ими и оплаканного Григория Мелихова, ни Аксинью и Наталью, в которых они узнавали самих себя и свою судьбу. А потом и неистребимого Щукаря, и неистового, но все-таки «страшно своего» Макара Нагульнова.

Не захотели уже никому отдать — ни завистникам, ни клеветникам и самого Шолохова. И не только за его могучие книги, но и за его любовь к ним, к людям. За то, что он, единственный, всегда и неизменно оказывался у них заступником, когда над ними сгущались тучи несправедливости и беззакония, когда угрожали им голод и сама смерть. До Сталина доходил, добывая продовольственное и семенное зерно, вызволяя невинных из тюрьмы.

Не отдали и тогда, когда над самим Шолоховым нависла смертельная угроза.

Без него и они оказались бы без своего заступника, а Россия без имени, без того, кто в самые суровые годы и своим страшным словом, к которому прислушивался весь мир, и бесстрашным действием выступал на защиту ее достоинства и чести.

Знал бы Михаил Александрович Шолохов, что станется с его страной и народом всего через десять лет после того, как замрет его сердце на высоком и глубоком Вешенском яру, над тихим и грозным Доном, возвеличенным им с такой лаской и скорбью, какой путь его народу предстоит пройти от Дня Победы до Беловежской пущи и октябрьских дней 1993 года. Слышал бы, кого вскоре посмеют оккупантами и красно-коричневыми назвать. В какую неслыханную нужду на пороге 50-летия Великой Победы впадут и родной сын несчастного Григория Мелихова, и приемный сын многострадального Андрея Соколова. В какую междоусобицу будут ввергнуты дети и внуки тех, кто в крови, слезах и в нерасторжимом единстве сражался за Родину.

Нет, даже и ему, наделенному могучим даром проникать прошлое, настоящее и будущее своего народа, своей страны, не дано было этого знать. И, может быть, в этом его посмертное счастье.

А наше счастье, еще и еще раз открывая его бессмертные книги, узнавать в них свое время, своих товарищей, самих себя, с болью и надеждой вглядываясь в образ Родины, запечатленный на века с такой силой честным и мужественным пером русского гения.

Ростов-на-Дону.